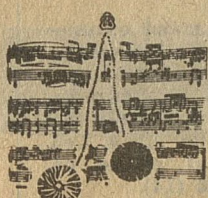

Советская Молдавия

г. Кишинев

«СОВЕТСКАЯ МОЛДАВИЯ»

6 марта 1988 г.

Музыкальный
Оформитель
«Музичник»

Он — великий оптимист, и даже самые печальные песни лишены у него безысходности. Он предпочитает появляться на сцене в ослепительно белом — это тоже от желания настроить людей на праздник, который еще долго будет потом освещать будни. Часто зал поет вместе с ним, вместе с ним любит и негодует, мучается ностальгией и вспоминает имена погибших, радуется жизни... И рукоплещет, благодаря за «свою» песню.

Мода на Льва Лещенко не проходит, потому что он исполняет не шлягеры-однодневники, искусно приправленные разного рода цветными дымами и прочими модными сейчас сценическими аксессуарами. Его песни — это взволнованное, горячее отражение жизни. Они раскрывают нам глаза на глубокую сущность каждого прожитого дня, помогают осмыслить рождающуюся красоту нового.

МЫ БУДЕМ ВОСПЕВАТЬ ТЕБЯ...

ЛЕЩЕНКО на «Мэрцишоре» в третий раз. Вроде все такой же обаятельно-нестареющий любимец публики, но в глазах озабоченность. «Это очень непросто выступать через короткое время на одном и том же фестивале, в одном и том же городе. Есть опасность показаться одинаковым. Конечно, можно было бы продемонстрировать абсолютно новую программу, но знаю, что зрители ждут песен, ставших уже классическими, без которых я будто не я».

Мы встретились на следующее утро после открытия «Мэрцишора». Лев Валерианович был несколько нездоров и сетовал на погоду: «Из зимы уехал — в зиму приехал. А так хотелось весны...», но тут же, со свойственным ему оптимизмом, добавил: «Ничего, теплый прием, который мне здесь оказывают, вполне компенсирует недостаток тепла в природе».

И словно в подтверждение этих слов зазвонил телефон. Певца уже разыскивали давние друзья-приятели, жаждущие встречи с ним. Потом звонили профессиональные и самодеятельные музыканты, телеоператоры и журналисты, администраторы и аккомпаниаторы. Словом, пока уже не было.

— Это — наша каждодневная жизнь, — буднично констатировал Лещенко, — артист себе не принадлежит. Я, честно говоря, еще не успел остыть от недавнего праздника. Пару недель назад в спорткомплексе «Олимпийский» произошло большое театрализованное представление «Победители», посвященное 70-летию Советских Вооруженных Сил. Я исполнил там шесть песен. И, конечно же, приходилось много репетировать. Теперь вот участие в этом фестивале, затем снова репетиции: в мае предусмотрена поездка в Австралию. А кроме того, существует радио, телевидение... Не жизнь, а сплошные договоры, разговоры, встречи. Куда денешься, например, от композиторов и поэтов, предлагающих обсудить новую песню?

— А кто вам ближе всего из композиторов? И почему?

— Пожалуй, Тухманов. Потому что он, как никто, чувствует драматургию стиха, использует в своем творчестве действительно высокую поэзию. Люблю Добрынина, но у него в этом смысле бывают проколы...

Телефон молчал, и я поспешила задать свой следующий вопрос.

— Лев Валерианович, а как удается избежать подобных проколов вам? Никто не может упрекнуть певца Лещенко в том, что он поет не свои песни...

— В этом смысле я счастливый человек. Душа сопротивляется, когда берусь петь пусть хорошее, но не свое. И никакие ухищрения не помогают. Вот есть сейчас у меня прекрасная песня, у которой большое будущее. Но в моем исполнении она не

прозвучит, и это я понимаю. Сколько уж ее не аранжировал, а все равно не идет. Жаль, конечно, но придется предложить другому певцу. Это, пожалуй, самое ответственное — найти свою песню.

— А какая она, ваша песня?

— Я бы сказал, лирическо-ностальгическая, но ни в коем случае не доведенная до умиления. Стараюсь, чтобы даже любовная лирика звучала как-то возвышенно, гражданственно, если хотите...

— Тогда понятно, почему вы исполняете некоторые песни Розенбаума...

— Да, Саша очень близок мне по духу, — глаза Льва Валериановича при этих словах как-то сразу потеплели.

— По сути, он сегодня один из моих самых лучших друзей, хотя познакомились мы всего три года назад. Считаю, что это блестящий поэт, очень глубокий и порядочный человек. Когда приезжаю в Ленинград, мы практически не расстаемся. Розенбаум подарил мне шесть своих песен для исполнения. В Кишиневе я пою только одну из них «Неужели это было?». Эти песни требуют особого настроения, даже особой программы.

— Часто Розенбаума пытаются сравнивать с Высоцким...

— Да, я тоже не раз слышал подобные мнения. Но мне кажется, что это абсолютно несравнимые величины. Володя более дерзок, социален, пытается все выплеснуть, чтобы облегчить душу. Саша же более мягок, лиричен, предпочитает уходить в себя. Стиль у них хоть и бардовский, но, повторяю, очень разный.

— Вы лично знали Высоцкого?

— Да, конечно, — грустно говорит Лещенко. — Мы не раз встречались на творческих вечерах, в компаниях. А за один из случаев у меня даже осталось чувство вины перед ним. Было это в Канаде, на олимпиаде, в 1976 году. Я выступал перед участниками и гостями соревнований, а Володя оказался там в частной поездке, вместе с Мариной Влади. Намечалась интересная встреча со спортсменами, и Высоцкий хотел на ней поприсутствовать. Я взялся организовать ему пропуск. Увы! Это оказалось невозможным. С кем я только не разговаривал, кого не просил — Володю на встречу не пустили. Боялись популярности певца. Все-таки, мол, за рубежом, находимся, как бы чего не вышло... Я оправдывался как мог, хотя Володя все понял и без этого...

В уютную тишину гостиничного номера вновь бесцеремонно ворвался телефонный звонок. На сей раз на проводе была Москва. Намечался вечер, посвященный Юрию Гагарину, и с Лещенко уточняли программу.

— Вот видите, и тут нашли, — рассмеялся вдруг Лев Валерианович. — Думаю, род-

ной город побеспокоит меня еще не раз. Но я на него не в обиде. Знаете, Москва — моя слабость. Здесь родился, учился в ГИТИСе, пробовал себя в опере и оперетте, работал солистом на Гостелерадио. Здесь впервые стал призером Всесоюзного конкурса артистов эстрады, отсюда поехал на фестиваль в Сопот и получил первую премию. Здесь все мои истоки, в том числе и популярности...

— Заранее простите за вопрос, но все-таки: как долго вы еще собираетесь петь? Не запланировали конкретный срок для ухода со сцены, как это делают, например, наши фигуристы?

— Запланировал и даже готовлю тылы: пробовал себя в режиссерской практике на эстраде, занимаюсь педагогической деятельностью — преподаю второкурсыникам Института имени Гнесиных вокал, собираюсь создать при своем ансамбле небольшую студию из творческой молодежи. Сегодня со мной поет Светлана Меньшикова, вы видели ее на концерте, весьма одаренная певица, помогает мне сделать песню более лиричной, оттенить некоторые моменты, и, кроме того, выступает соло. Есть еще солист Вадим Бояков. Думаю, успех у него впереди...

— А как вы относитесь к нашим молодым эстрадным исполнителям? Сотрудничаете ли с композиторами республики?

— Что касается исполнителей, то, на мой взгляд, наиболее вдумчивой, интеллигентной, что ли, певицей является Анастасия Лазарюк. Подкупает ее бережное отношение к песне, разборчивость в репертуаре. Ну а среди композиторов, конечно же, как и многие другие, отдаю лавры первенства Евгению Доге. Моя мечта — исполнить его песню. Для певца очень важно общение как с большим композитором, так и с большим поэтом. Это позволяет более критически оценивать свое творчество. Я вот, например, стихи Расула Гамзатова считаю эталоном, только на такие стихи — мудрые, чистые, красивые — должны писаться песни.

— А какие строки он посвятил женщинам!

— Улавливаю подтекст! Намекаете на свой праздник?!

— Напекаю. И от имени всех женщин жду поздравления.

— В моем кишиневском концерте им будет песня В. Шаинского на замечательные стихи Гамзатова «Женские руки». Там есть такие прекрасные строки:

«Чтоб земля всегда была чиста,
Они с нее слезой смывают пятна...».

Разве может быть миссия святее этой? И разве можно доверить ее кому-нибудь, кроме женщины?!

Женщина — ты дыхание весны. И мы всегда будем воспевать тебя в своих стихах, поэмах и песнях. Обещаю от имени всех певцов, поэтов и композиторов.

В. УШАКОВА